

Гладченко Леонид Витальевич*, старший научный сотрудник Центра координации исследований РИСИ.

На обломках "халифата": о трансформации угрозы ИГИЛ

На протяжении нескольких лет внимание всего мира привлекали события, вызванные военными действиями с участием новой группировки – "Исламское государство" (ИГИЛ, ИГ), которые представляли собой очевидную и весьма серьёзную угрозу миру и безопасности.

Анализируя современное состояние этой организации, зарубежные эксперты обращают внимание на следующие ключевые моменты.

- Её территориальная опора сузилась. Боевики ИГИЛ выбиты из всех крупных населённых пунктов, группировка утратила основную часть ранее находившихся под её контролем районов в Сирии и Ираке¹.

- Развитие ситуации на поле боя завершается военным поражением исламистов. В результате действий сирийских правительственных войск, обеспеченных боевой поддержкой Воздушно-космических сил России, боевикам был нанесён большой урон. Борьба с международным терроризмом вступает в новый этап, открывающий перспективы последующей дестабилизации вооружённого конфликта в Сирии и перевода его в плоскость политического урегулирования.

- Качественные изменения наблюдаются в боевых порядках ИГИЛ. Полевые формирования группировки уклоняются от прямого взаимодействия с частями правительственных войск и антитеррористических сил. Численность личного состава уменьшилась вследствие потерь и дезертирства. Резко прекратился приток новобранцев².

- Заметно сократились масштабы террористической деятельности "Исламского государства" в Ираке и Сирии. Если на пике подъёма ИГИЛ в 2013–2017 гг. Ирак занимал первое место в мире по числу терактов на его территории и количеству их жертв, то в последнее время наблюдается существенное снижение этих показателей: по данным на конец 2018 г., количество терактов сократилось на 46 %, а жертв – на 78 %³.

* gladleonid@gmail.com.

¹ *Cohen E.T.* Pushing the jihadist genie back into the bottle: How to counter the ongoing terrorist threat // Brookings. Policy Brief Series on the New Geopolitics. 2019. May. P. 3.

² *Dempsey M.P.* How ISIS' Strategy is Evolving // Foreign Affairs. 2018. 18 January. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/syria/2018-01-18/how-isis-strategy-evolving> (дата обращения: 20.11.2019).

³ *Rivinius J.* Global terrorism decreases in 2018 as recent uptick in U.S. terrorist attacks was sustained // National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism. 2019. 8 October. URL: <https://www.start.umd.edu/news/global-terrorism-decreases-2018-recent-uptick-us-terrorist-attacks-was-sustained> (дата обращения: 20.11.2019).

• Серьёзные потери отмечены в руководящем звене ИГИЛ. Особое значение имела ликвидация лидера группировки "халифа" А. Б. аль-Багдади в октябре 2019 г.⁴

• Экономическая основа ИГИЛ деформирована. Значительно сократилась база доходов, из которой выпали средства от реализации энергоносителей, составлявшие её главный компонент⁵.

• Теряет обороты пропагандистская машина ИГ: прекратили вещание тридцать из сорока основных медийных каналов группировки⁶. Существенно изменился и "нарратив" пропагандистских материалов: на этапе распада квазигосударства главной темой сообщений стали "призывы к развёртыванию непримиримой борьбы с врагами в глобальном масштабе"⁷.

В целом нынешняя фаза эволюции группировки характеризуется распадом основ исламистского квазигосударства вследствие ослабления региональной опоры в Ираке и Сирии, устранением ряда ключевых фигур в руководстве ИГИЛ⁸. Как резюмировал один из американских военных аналитиков М. Демпси, "земной халифат приближается к своему концу"⁹.

Однако означает ли завершающийся распад исламистского квазигосударства конец породившего его ИГИЛ? Анализ истории ликвидации основных террористических организаций современности свидетельствует о том, что "поражения на поле боя и жёсткие антитеррористические меры далеко не всегда приводили к распаду группировок религиозного толка. Многие сохраняли активность и после применения в отношении них жёстких контртеррористических мер"¹⁰.

С боевых рубежей – в тень "диверсионной войны"

Развитие военно-политической ситуации в Ираке и Сирии свидетельствует о происходящих глубоких изменениях в боевых порядках ИГИЛ. Западные эксперты обращают внимание на переход группировки от ведения масштабных боевых действий к тактике, которая характеризуется её стремлением "уклоняться от боевого взаимодействия и проведения масштабных боевых операций, вести преимущественно оборонительные действия по удержанию сохраняющихся позиций, переключаться на проведение диверсионных акций небольшими группами"¹¹.

⁴ Jones S.G. Beyond Baghdadi: The Next Wave of Jihadist Violence // Center for Strategic and International Studies // CSIS Briefs. 2019. 4 November. URL: <https://www.csis.org/analysis/beyond-baghdadi-next-wave-jihadist-violence> (дата обращения: 20.11.2019).

⁵ Return and Expand? The Finances and Prospects of the Islamic State after the Caliphate // RAND Corporation. 2019. August. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR3046.html (дата обращения: 20.11.2019).

⁶ Dempsey M.P. How ISIS' Strategy Is Evolving.

⁷ Ibid.

⁸ Jones S.G. Beyond Baghdadi: The Next Wave of Jihadist Violence.

⁹ Ibid.

¹⁰ How Terrorist groups End // Global Terrorism Index 2017 // Institute for Economics and Peace. 2017. P. 77. URL: <http://visionofhumanity.org/app/uploads/2017/11/Global-Terrorism-Index-2017.pdf> (дата обращения: 20.11.2018).

¹¹ Dempsey M.P. How ISIS' Strategy Is Evolving.

Ситуация в Ираке и Сирии раскрыла двойственный характер природы "Исламского государства". С одной стороны, группировка выступает комбатантом – участником вооружённого конфликта, с другой – по сути остаётся террористической организацией, использующей соответствующие способы и методы борьбы для достижения своих стратегических целей.

Анализ соотношения военного и террористического начал в деятельности ИГИЛ привёл к формированию в среде зарубежных экспертов *двух основных подходов*. Странники первого из них, отмечая падение уровня военной активности группировки в ходе боевых операций в Ираке и Сирии, склонны рассматривать этот процесс как попытку сохранения военизированной и структурированной организации, "переформатирования" боевого компонента в условиях возросшего силового давления. Согласно этой интерпретации, для поддержания "глобального джихада" руководство "Исламского государства" пытается удержать функции стратегического командования и контроля за тем, что осталось от "ядра халифата". При этом утверждается, что "центр силы" этой группировки смещается в сторону нескольких крупных, хорошо структурированных и жёстко консолидированных её "региональных филиалов" в отдельных районах Афганистана, Алжира, Египта, Нигерии, Пакистана, Саудовской Аравии, Йемена, а также Закавказья, которые ранее были объявлены местными исламистами "вилаятами всемирного халифата".

Странники другого подхода главным итогом давления на ИГИЛ считают "возвращение группировки к своему террористическому началу"¹².

В этих кругах обращают внимание на то, что в условиях продолжающегося мощного силового давления организации радикальных исламистов предприняли "активные действия по адаптации к жёсткой оперативной обстановке". Как отмечал эксперт Школы международных исследований Наньянского технологического университета (Сингапур) К. Рамакришна, терроризм "мутирует и развивается, демонстрируя высокую гибкость и приспособляемость к меняющимся условиям"¹³. В последнем выпуске "Глобального индекса терроризма – 2019" ИГИЛ включена в группу наиболее активных и боеспособных группировок радикально-исламистского типа¹⁴.

Существенные изменения претерпевает и тактика ведения боевых операций "Исламского государства". Зарубежные эксперты относят партизанские войны к *асимметричным формам борьбы*, которую ведут нерегулярные вооружённые формирования на оккупированных или контролируемых территориях. Суть применяемой при этом стратегии характеризуется стремлением к "нанесению максимального урона противоборствующей стороне за счёт организации внезапных атак при уклонении от прямых

¹² Stepanova E. Transnational Islamist Terrorism: Network fragmentation and bottom-up regionalization // Global Terrorism Index 2014: Measuring and Understanding the Impact of Terrorism. Sydney; N.Y.; L.: Institute of Economics and Peace, 2014. P. 74–78.

¹³ Ramakrishna K. The Growth of ISIS Extremism in Southeast Asia: Its Ideological and Cognitive Features – and Possible Policy Responses // New England Journal of Public Policy. 2017. Vol. 29. Issue 1. Article 6. P. 1. URL: <https://scholarworks.umb.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1705&context=nejpp> (дата обращения: 16.05.2019).

¹⁴ Global Terrorism Index 2018: Measuring the impact of terrorism. Sydney: Institute of Economics and Peace, 2018. P. 15.

вооружённых столкновений". Возможность победы в партизанской войне обеспечивается "истощением воли противника к продолжению борьбы"¹⁵.

На основе заявлений лидеров, документов ИГИЛ и экспертного анализа делается заключение, что ключевые положения новой стратегической линии группировки проявляются в отказе от удержания остающихся под её контролем городов и населённых пунктов и передислокации главных сил в сельские и отдалённые пустынные районы Ирака и Сирии.

Ставка делается на способы ведения боевых действий, позволяющие наносить ущерб противнику ограниченными силами. Следствием этого явилось широкое использование в боевых операциях ИГИЛ смертников на заминированных автомобилях, а также проведение внезапных рейдов в тыл противника небольшими группами. По американским оценкам, в 2017 – начале 2018 г. джихадисты осуществили порядка 800 подобных акций¹⁶.

Наряду с этим военные эксперты обращают внимание на активное применение боевиками ИГИЛ современных средств ведения боевых действий. С 2016 г. в составе группировки функционирует подразделение боевых беспилотных летательных аппаратов (БПЛА). В числе проведённых им операций упоминается атака на аэропорт Дейр-эз-Зор и российскую авиабазу Хмеймим в январе 2018 г. и в августе 2019 г. Особую озабоченность специалистов по этому поводу породила информация о наличии у террористов технологии использования боевых отравляющих веществ, в частности горчичного газа, способного вызывать массовые жертвы среди гражданского населения¹⁷.

Сферой повышенного внимания и растущей активности ИГИЛ становится **кибертерроризм**. Интерес радикальных исламистов к нему анализирует в своей статье директор брюссельского филиала Института экономики и мира С. Струбантс¹⁸. Указывая на связь кибертерроризма с актами, осуществлёнными радикальными исламистами в последние годы во Франции, Бельгии, Великобритании, Испании и других странах Европы, он приходит к заключению о том, что "не только разработка, но и практическое руководство реализацией этих операций проводилось в режиме реального времени из Сирии по интернету"¹⁹.

Ослабление позиций "Исламского государства" в Сирии и Ираке, по мнению специалиста, частично компенсируется активизацией его деятельности в киберпространстве. Практическим подтверждением этому может служить создание в 2016 г. "Объединённого киберхалифата" на базе нескольких хакерских группировок исламистов. Отмечается, что цель этой новой сетевой структуры состоит в создании "киберармии" для продолжения борьбы за построение "всемирного халифата" в интернете. В практическом плане речь идёт о формировании новых платформ

¹⁵ Дериглазова Л.В. Асимметричные конфликты: Уравнение со многими неизвестными. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2009. С. 196–197.

¹⁶ Dempsey M.P. How ISIS' Strategy Is Evolving.

¹⁷ Schori Liang C. Leaderless Jihad in a Leaderless World: the Future of Terror // Global Terrorism Index 2017 / Institute for Economics and Peace. 2017. P. 89–90.

¹⁸ Stroobants S. Cyberterrorism is the New Frontier // Global Terrorism Index 2018: Measuring the impact of terrorism. Sydney: Institute of Economics and Peace, 2018. P. 76–78.

¹⁹ Ibid.

для координации деятельности сторонников ИГИЛ в различных районах мира²⁰.

В связи с тем, что цифровые технологии охватывают, по сути, все стороны жизни современного общества, ареал потенциального распространения кибертерроризма представляет собой огромную "серую зону". В качестве примеров, наряду с дистанционной организацией и координацией осуществления терактов, в статье С. Струбантса приводятся попытки взлома компьютерных сетей для сбора данных, нарушения системы функционирования важнейших органов управления и жизнеобеспечения стран Запада, получения доступа к банковской информации и перевода средств для финансирования террористической деятельности, распространения пропагандистских материалов, вербовки новобранцев и др. Как считает С. Струбантс, это позволяет говорить об "угрожающих масштабах виртуальной угрозы, которую представляет собой современный кибертерроризм"²¹.

Активное использование киберпространства исламистами, по мнению бельгийского эксперта, "может иметь катастрофические последствия глобального масштаба"²². В складывающихся обстоятельствах, по убеждению С. Струбантса, для организации своевременных, а по возможности упреждающих ударов по террористам первоочередной становится задача налаживания эффективного международного сотрудничества.

В целом можно отметить, что новая военная стратегия ИГИЛ свидетельствует о переходе группировки на рельсы *диверсионной войны* и широким использованием *терроризма* как части такой стратегии.

На практике такой подход сопровождается *реформированием структуры организации*. В частности, эксперт Женевского центра политики безопасности К. Шори Лян в своей статье приходит к выводу о происходящем отходе ИГИЛ от централизованной иерархической модели организации в пользу "свободной и подвижной", как способу противостоять давлению со стороны правоохранительных органов²³.

По оценкам специалистов, использование сетевого принципа даёт террористическим группировкам значительные возможности по адаптации к изменившимся условиям. Вопросы формирования структуры "Исламского государства" поднимались в работах аналитика Корпорации РЭНД Б. Хоффмана и эксперта в сфере специальных операций и контртерроризма К. Вудса. Согласно выводам этих авторов, в практической деятельности радикальных террористических группировок происходит отход от иерархических структур в пользу ещё более сложных *роевых* образований. По мнению К. Вудса, подобные структуры состоят из следующих элементов:

- узкой группы высших религиозных военных и гражданских руководителей, как правило, неизвестных окружающим;
- ядра профессиональных исполнителей;
- "периферийных модулей" в виде боевых террористических групп;

²⁰ Stroobants S. Op. cit. P. 77.

²¹ Ibid.

²² Ibid.

²³ Schori Liang C. Op. cit. P. 89–90.

- разветвлённой сети сторонников и адептов;
- "роя" последователей, формально не связанных с организацией²⁴.

Эффективное применение современных коммуникационных технологий и средств связи позволило террористам сформировать единую информационную и коммуникационную среду. Это проявляется в создании каналов связи между ячейками, поддерживает возможность их работы в автономном режиме, повышает результативность исламистской пропаганды.

В сфере управления сетевой принцип обеспечивает высокую скорость принятия решений, способность оперативной концентрации сил и средств на приоритетных направлениях (объектах), планирование "точечных" операций, возможность эффективного функционирования под командованием экстерриториального центра.

В организационном плане такой подход позволяет террористам перейти от деятельности в составе крупных, а потому уязвимых для ударов сил безопасности структур к тактике "мелких ячеек" и отдельных боевиков ("одинокие волки"), объединяемых на короткое время для решения конкретных задач. По заключению американских специалистов, "ИГИЛ, похоже, снова возвращается к своим террористическим корням"²⁵.

О происходящей трансформации "Исламского государства" свидетельствует также его переход к *безлидерскому джихаду*. На примере ликвидации в октябре 2019 г. А. Б. аль-Багдади в результате операции американского спецназа, которая преподносится Белым домом как "решающий удар" по позициям террористов, зарубежные эксперты поднимают вопрос о роли лидера в террористических группировках и последствиях его устранения. Как отмечается, например, в докладе вашингтонского Центра стратегических и международных исследований, "стратегия обезглавливания" оказывалась эффективной только в отношении группировок лидерского типа, имеющих жёсткую структуру и строящихся на личном авторитете руководителя²⁶.

На практике подобные акции, как правило, действительно приводили к снижению активности террористических организаций. Что касается ИГИЛ, которая, как указано выше, перешла на децентрализованную сетевую организацию, то, как отмечается в докладе, "уничтожение аль-Багдади едва ли в состоянии серьёзно её ослабить"²⁷. Об этом говорят быстрые кадровые перестановки в руководящем звене группировки, произведённые вскоре после ликвидации прежнего лидера. В частности, скорое *избрание нового халифа, которым стал А. И. аль-Хашими аль-Кураши*, служит свидетельством сохраняющейся жизнеспособности данной террористической организации²⁸.

²⁴ См.: Ларина Е. Инженеры хаоса: Почему теракт в Париже осуществили агенты спецслужб // Военное обозрение. 2015. 16 января. URL: <https://topwar.ru/66852-elena-larina-inzhenery-haosa-pochemu-terakt-v-parizhe-sovershili-agenty-specsluzhb.html> (дата обращения: 26.11.2018).

²⁵ Barfi B. Islamic State shifts tactics in Iraq and Syria amid degrading capabilities // Jane's Intelligence Review. 2019. 25 June.

²⁶ Jones S.G. Beyond Baghdadi: The Next Wave of Jihadist Violence. P. 5.

²⁷ Ibid. P. 2.

²⁸ Ibid. P. 3.

Новый формат "пространственного измерения" ИГИЛ

Одним из следствий ликвидации "халифата" явилась утрата ИГИЛ значительной части своей территориальной опоры. К настоящему времени под давлением со стороны антитеррористических сил зона, остающаяся под контролем группировки, многократно уменьшилась. Однако и в новых условиях закрепление на определённой территории по-прежнему является одним из главных приоритетов и стратегических целей "Исламского государства" в его претензии на сохранение основ "всемирного халифата".

Тем не менее зарубежные эксперты считают постановку вопроса о перспективе полной утраты ИГИЛ контроля над районами "халифата" преждевременной. В связи с этим в первую очередь речь идёт о *консолидации остатков "ядра халифата" в Ираке и Сирии*. Удерживаемый боевиками район по обе стороны сирийско-иракской границы – от Дейр-эз-Зора в восточной Сирии (вдоль реки Евфрат) до иракской провинции Анбар – получил название "Сирак"²⁹. По западным оценкам, в этой зоне сконцентрировано порядка 3–4 тыс. боевиков. Там создаётся инфраструктура, позволяющая обеспечить перегруппировку сил джихадистов и наладить их материально-техническое снабжение на длительный период. Кроме того, там находятся богатые нефтяные месторождения, которые потенциально могут стать источником финансирования группировки³⁰.

В качестве основной цели джихадистов в Сирии и Ираке сегодня рассматривается не столько восстановление полноценного контроля над территорией, сколько "нарушение функционирования органов местного самоуправления, нападение на военные базы и системы коммуникаций, атаки на правительственные силы, шиитские и курдские вооружённые формирования, а также показательная ликвидация лиц, сотрудничающих с властями, в целях запугивания населения"³¹.

Анализируя алгоритм действий боевиков в контролируемой ими зоне, западные эксперты обращают внимание на переход ИГИЛ от ведения масштабных боевых действий к тактике, которая предполагает использование преимущественно оборонительных действий в сочетании с осуществлением диверсионных операций небольшими группами³².

Стремление рассматривать проявления угрозы "Исламского государства" в международном контексте характерно для ряда зарубежных исследований. Комплексное изучение особенностей развития политической и социально-экономической ситуации в Ираке, Сирии и других районах Ближнего Востока и Северной Африки после завершения масштабных операций против группировки было реализовано вашингтонским Центром стратегических и международных исследований³³. Доклад представляет

²⁹ По аналогии с "АфПак" – приграничной зоной между Афганистаном и Пакистаном, находящейся под контролем движения "Талибан".

³⁰ Barfi B. Op. cit.

³¹ Hassan H. Out of the Desert. ISIS's Strategy for a Long War / Middle East Institute // Policy Paper. 2018. September. P. 7.

³² Dempsey M.P. How ISIS' Strategy Is Evolving.

³³ Cordesman A.H. After the "Caliphate": The Metrics of Daesh and the Ongoing Challenge of Extremism. Part One: Daesh, Syria and Iraq // Center for Strategic and

собой попытку "по горячим следам" проанализировать последствия военного поражения ИГИЛ в широком контексте политических и социально-экономических проблем Ближнего Востока и Северной Африки. В документе характеризуются прямые последствия военного поражения этой радикальной исламистской группировки на территории Сирии и Ирака. На основе сравнительного анализа по 60 различным показателям автор отмечает, что в обоих государствах имеют место распад системы управления, экономический упадок, внутренний раскол. Из приводимых статистических выкладок следует, что страны региона заплатили высокую цену по "террористическим счетам". Только в Сирии общее число жертв гражданской войны превысило 500 тыс. чел., количество беженцев и перемещённых лиц достигло 6 млн чел. внутри страны, а 5,6 млн были вынуждены покинуть её пределы. Сегодня 13 млн сирийцев живут за чертой бедности. В Ираке, где численность населения составляет около 36 млн чел., почти треть живёт в зоне конфликта, 6,7 млн граждан нуждаются в получении гуманитарной помощи. Общие экономические потери от действий террористов в Ираке, Сирии, а также Ливии и Йемене сопоставимы с объёмами ВВП этих стран за десять лет³⁴.

На основе приводимых в докладе данных автор показывает, что разрушительные результаты террористической активности не ограничиваются пределами территории "халифата", который экстремисты ИГИЛ пытались создать в Сирии и Ираке, а носят характер "цивилизационного раскола" всего мусульманского мира. По оценке Э. Кордесмана, негативные последствия проявлений терроризма и локальных конфликтов в странах Ближнего Востока и Северной Африки ведут к превращению их в "несостоятельные государства" и будут оказывать дестабилизирующее воздействие на ситуацию там в течение длительного времени.

По мнению исследователя, питательной средой исламского радикализма в странах региона являются провалы политики местных властей, которые используют репрессии, борются с инакомыслием, погрязли в коррупции, демонстрируют неспособность справиться с социально-экономическими проблемами. В связи с этим автор выделяет условия достижения стабильной ситуации в регионе. В частности, он указывает на важность создания устойчивой и эффективной системы управления, обеспечения внутренней безопасности и экономического развития. Неспособность властей решить указанные выше задачи ведёт к обострению внутренних конфликтов, укреплению позиций исламского радикализма. Со ссылкой на оценки аналитиков Центрального командования ВС США Э. Кордесман делает вывод о том, что сегодня этот район входит в число "наиболее опасных и нестабильных в мире".

Эксперт отмечает, что военное поражение ИГИЛ не свидетельствует об устранении экстремизма, терроризма и нестабильности на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Для удержания ситуации под контролем

International Studies. 2019. 22 April. URL: <https://www.csis.org/analysis/after-caliphate-metrics-daesh-and-ongoing-challenge-extremism> (дата обращения: 20.11.2019).

³⁴ Cordesman A.H. After the "Caliphate": The Metrics of Daesh and the Ongoing Challenge of Extremism. Part Two: The Changing Threat // Center for Strategic and International Studies. 2019. 29 April. URL: <https://www.csis.org/analysis/after-caliphate-metrics-daesh-and-ongoing-challenge-extremism-1> (дата обращения: 20.11.2019).

он рекомендует не ограничивать политику Соединённых Штатов в этом регионе ликвидацией последствий борьбы с "Исламским государством" и конфронтацией с Ираном. Материал, основанный на анализе корней исламского радикализма, содержит обоснованное заключение о том, что "военное поражение ИГИЛ не означает ликвидации этой радикальной исламистской группировки"³⁵.

На фоне распада и ослабления позиций ИГ в Сирии и Ираке наблюдается смещение центра активности организации в новые географические районы. Подтверждением этому может служить размах деятельности аффилированных с группировкой структур – "ИГИЛ-Хорасан" в Афганистане и странах Южной Азии, а также "ИГИЛ Большой Сахары" в Северной и Западной Африке, где прогнозируется появление новых террористических очагов³⁶. По данным информационной базы по глобальному терроризму Мэрилендского университета (США), в 2018 г. теракты, совершавшиеся от имени "Исламского государства", зарегистрированы в 34 странах. Принимая во внимание, что в 2019 г. в "ареал" террористической деятельности группировки добавились ещё три государства – Демократическая Республика Конго, Мозамбик и Нидерланды, общее число государств, в которых совершались теракты "под флагом" ИГИЛ, достигло 56³⁷.

Почему следует ожидать нового подъёма ИГИЛ?

Так каким же образом отмеченное ослабление региональной опоры ИГИЛ в Ираке и Сирии можно соотнести с происходящим трансграничным переносом его активности в новые районы и с перспективами группировки в целом?

Один из подходов к установлению взаимосвязи между этими явлениями предложен экспертом вашингтонского Центра стратегических и международных исследований С. Джонсом. В основу своей концепции он положил теорию, разработанную другим американским исследователем – Д. Раппопортом. В соответствии с взглядами последнего, эволюция современного джихадизма носит волнообразный характер и состоит из нескольких циклов. В свою очередь, каждый цикл состоит из фазы (волны) подъёма террористической активности, которая затем сменяется фазой отлива – периодом её сокращения.

Развивая идеи своего предшественника, С. Джонс заключил, что пик активности ИГИЛ в 2014–2017 гг. пришёлся на "четвёртую волну джихадизма", зародившуюся в период "арабской весны". Он был отмечен созданием джихадистских сетей или расширением их активности в Сирии, Йемене, Афганистане, Ливии и Сомали. Главными причинами, лежащими в основе волны подъёма джихадизма в этих странах, по мнению

³⁵ Cordesman A.H. After the "Caliphate": The Metrics of Daesh and the Ongoing Challenge of Extremism. Part One: Daesh, Syria and Iraq.

³⁶ Global Terrorism Index 2019: Measuring the Impact of Terrorism. Sydney: Institute of Economics and Peace, 2019. P. 41. URL: <http://visionofhumanity.org/app/uploads/2019/11/GTI-2019web.pdf> (дата обращения: 11.03.2020).

³⁷ Trends in Global Terrorism: Background Report // National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism – START; University of Maryland. 2019. October. P. 2.

эксперта, явились рост протестных настроений (прежде всего суннитского населения в Сирии и Ираке), слабость правящих структур этих государств, углубившаяся в контексте "арабской весны", а также начавшийся вывод американских войск из этого региона.

С. Джонс исходит из того, что наблюдаемая утрата ИГИЛ своих позиций в Ираке и Сирии, ликвидация представителей его руководящего звена, включая А. Б. аль-Багдади, выступают признаками фазы спада джихадистской активности³⁸. Однако потерю опоры "халифата" в Ираке и Сирии предлагается рассматривать не как близящийся конец группировки, а как "переход к новому этапу борьбы за выживание и последующее возрождение в новых условиях", за которой может последовать новая волна подъёма джихадизма³⁹.

Перефразируя сегодня один из пропагандистских лозунгов ИГИЛ периода подъёма "халифата", который звучал как "сохраняться расширяясь", эксперты задаются вопросом: "В состоянии ли группировка вернуться и расшириться?"⁴⁰

Для определения перспектив ИГИЛ представляется важным ответить на вопрос о наличии у группировки достаточных материальных и людских ресурсов для обеспечения планов "возвращения".

По оценкам экспертов, в период подъёма "халифата" доходы ИГИЛ составляли 1,3–2 млрд долл. в год, что делало её самой богатой и экономически состоятельной террористической организацией⁴¹. С ликвидацией квазигосударства материальной базе группировки был нанесён серьёзный удар. К середине 2018 г. она лишилась более 80 % источников поступлений, в первую очередь средств от реализации энергоносителей, составлявших главную статью доходов. Большое значение имеет разрушение экономической базы, обеспечивавшей её функционирование. Доходы ИГИЛ, составлявшие на этапе подъёма порядка 81 млн долл. в месяц, снизились до 12 млн и обеспечивались главным образом за счёт "экспроприации собственности"⁴². На фазе подъёма "халифат" наладил эффективную и диверсифицированную систему привлечения денежных средств, обеспечивавших функционирование квазигосударства. Деньги поступали за счёт добычи нефти и газа на контролируемой территории, налогов и сборов с местного населения, продажи антиквариата, сборов за транзит транспортных средств.

Этому вопросу посвящён, в частности, прогноз экономических перспектив группировки после ликвидации "территориального халифата" в Ираке и Сирии, подготовленный коллективом экспертов Корпорации РЭНД⁴³. В документе отмечается, что вследствие утраты территории экономическая основа ИГИЛ претерпела серьёзную деформацию. Ощутимо сузилась база доходов, из которой выпали средства от реализации

³⁸ Jones S.G. Beyond Baghdadi. The Next Wave of Jihadist Violence.

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Return and Expand? The Finances and Prospects of the Islamic State after the Caliphate.

⁴¹ Cohen E.T. Op. cit. P. 3.

⁴² Dempsey M.P. How ISIS' Strategy Is Evolving.

⁴³ Return and Expand? The Finances and Prospects of the Islamic State after the Caliphate.

энергоносителей, составлявшие её главную статью. Однако, по заключению американских специалистов, это не приобрело для "Исламского государства" "фатального характера", поскольку одновременно существенно сократились и его расходы, связанные с содержанием аппарата управления, выплатами иностранным боевикам, социальными затратами и др. В результате группировка смогла сохранить в своём распоряжении значительные средства. Согласно данным аппарата Совета Безопасности ООН, её активы оцениваются в диапазоне от 50 до 300 млн долл., что создаёт достаточную основу для финансового обеспечения её деятельности в изменившихся обстоятельствах⁴⁴.

Американские эксперты отмечают сохранение в новых условиях и базовых принципов экономической политики ИГИЛ, в том числе:

– способность обеспечить финансовую самодостаточность посредством опоры преимущественно на внутренние источники, а не на поступления извне;

– тесную связь экономической политики с принципами и традициями ислама;

– готовность гибко оперировать и в случае необходимости отступать от этих принципов в зависимости от изменений обстановки в целях обеспечения "выживания" группировки, её способности продолжать джихад во имя целей построения "халифата"⁴⁵.

В современном состоянии ИГИЛ рассматривается как "гибридная криминально-террористическая структура". Террористические методы борьбы сопровождаются переходом к использованию главным образом криминальных форм получения прибыли в экономической сфере, в том числе путём шантажа и вымогательства, отъёма и "крышевания" бизнеса, конфискации и перепродажи товаров, а также переключения на новые сферы деятельности.

Наряду с этим необходимость обеспечения условий выживания и сохранения способности продолжать борьбу под лозунгом построения "халифата" сделала актуальной для группировки задачу поиска новых источников финансирования. Обращают на себя внимание *активизировавшиеся попытки ИГИЛ установить контроль над афганским наркотрафиком*⁴⁶. В мае 2019 г. между "вилаятом Хорасан", который считается афганским крылом "Исламского государства", и группой наркоторговцев было заключено соглашение об организации наркотрафика в Среднюю Азию через контролируемые группировкой районы провинций Кунар, Нуристан и Бадахшан⁴⁷. Полученные таким образом средства значительно укрепили базу боевиков. Сдерживающим моментом в завершении процесса формирования этого криминального симбиоза признаётся действующий пока

⁴⁴ Twenty-Fourth Report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team // United Nations. Official website. P. 8. URL: <https://undocs.org/S/2019/570> (дата обращения: 11.03.2020).

⁴⁵ Return and Expand? The Finances and Prospects of the Islamic State after the Caliphate. P. 12.

⁴⁶ *Guistozi A.* Resurgent Islamic State fighting to establish territorial control in eastern Afghanistan // Jane's Terrorism and Insurgency Monitor. 2019. 20 June.

⁴⁷ *Cronin C.* Implications of the Afghan Peace Negotiations on Terrorism in Central Asia // American Security Project. 2019. August. P. 9.

запрет командования "вилаята Хорасан" на производство наркосырья на контролируемой территории по идейно-религиозным соображениям. Вместе с тем, как полагают аналитики Корпорации РЭНД, одна из отличительных черт экономической стратегии группировки заключается в "способности гибко реагировать и в случае необходимости отступать от своих идейных принципов в зависимости от изменений обстановки в целях обеспечения выживания"⁴⁸. Ожидается, что установление связи с афганским наркобизнесом в долгосрочной перспективе призвано стать важным источником финансирования ИГИЛ⁴⁹. Прогнозируется, что ориентация главных маршрутов афганского наркотрафика на север, в направлении Таджикистана и Узбекистана, станет одним из азимутов вероятной экспансии группировки⁵⁰.

Большое внимание зарубежные эксперты уделяют *оценке потенциала живой силы в рядах "Исламского государства"*. По данным Минобороны США, несмотря на серьёзные потери, общая численность группировки в Ираке и Сирии сохраняется на уровне 15–20 тысяч⁵¹. Значительный резерв живой силы представляет собой и контингент боевиков, интернированных на территории Ирака и Сирии. Как отмечается в исследовании эксперта вашингтонского Института Ближнего Востока Э. Дент, в лагерях, находящихся под контролем курдских сил "демократической оппозиции" в Сирии, находится до 40 тыс. боевиков ИГ и членов их семей, что кратно превышает возможности по приёму и обеспечению прибывающих. В результате сложившаяся там ситуация имеет черты "гуманитарной катастрофы, которой умело пользуется руководство группировки". Э. Дент подчёркивает, что если процесс интернирования боевиков не будет поставлен в жёсткие рамки, то он может стать предпосылкой для последующего возрождения ИГИЛ⁵². В подтверждение этого тезиса автор ссылается на мнение бывшего командующего Центральным командованием США генерала Дж. Вотела, заявившего: "То, что мы наблюдаем в Сирии, – это не сдача в плен боевиков, а продуманная тактика, нацеленная на то, чтобы создать позиции в лагерях для интернированных лиц... в ожидании последующего сигнала к наступлению"⁵³.

Факты свидетельствуют о том, что наряду с закреплением на остающихся плацдармах в Ираке и Сирии *руководство ИГИЛ заблаговременно вынашивало планы по трансграничному переносу своей активности в новые районы*. В связи с этим уместно упомянуть видеообращение "халифа" А. Б. аль-Багдади к своим сторонникам, распространённое

⁴⁸ Return and Expand? The Finances and Prospects of the Islamic State after the Caliphate. P. 12.

⁴⁹ Ibid.

⁵⁰ Cronin C. Op. cit. P. 9.

⁵¹ Operation Inherent Resolve: Lead Inspector General Report to the United States Congress. 2019. 1 April – 30 June. Washington, DC, 2019. P. 15; Jones S.G. Beyond Baghdad. The Next Wave of Jihadist Violence. P. 3.

⁵² Dent E. The Unsustainability of ISIS Detentions in Syria / The Middle East Institute // Policy Paper. 2019. March. P. 2. URL: https://www.mei.edu/sites/default/files/2019-03/The%20Unsustainability%20of%20ISIS%20Detentions%20in%20Syria_reduced.pdf (дата обращения: 11.03.2020).

⁵³ Цит. по: Ibid. P. 2.

в интернете в апреле 2019 г., в разгар сражения за один из последних оплотов группировки – сирийский город Омхуз. В нём лидер ИГИЛ выразил благодарность "братьям из вилайатов за акты возмездия за павших в Сирии, совершённые в различных странах". Он призывал брать инициативу на себя и готовиться к тому, чтобы вести "большое и длительное сражение"⁵⁴. И хотя на тот момент основные события разворачивались вокруг Сирии, где джихадисты теряли последние оплоты своего квазигосударства, а до ликвидации А. Б. аль-Багдади в САР в октябре 2019 г. оставалось почти полгода, именно это обращение было расценено экспертами как его "завещание", содержащее основы новой стратегии по продолжению борьбы после распада "халифата" в Сирии и Ираке на новых рубежах, с опорой на "вилаяты" – филиалы ИГИЛ⁵⁵.

В этом плане в последнее время обращается пристальное внимание на активизацию попыток расширения плацдармов "Исламского государства" в восточных районах Афганистана. Нынешний этап развития ситуации там характеризуется заметным укреплением позиций игиловцев. В результате боевых действий в конце 2018 – первой половине 2019 г. под их контроль перешёл целый ряд районов стратегически важной провинции Кунар на востоке страны, традиционно управлявшихся талибами. Заметно возросла и численность боевиков "вилаята Хорасан".

Прогнозируя дальнейший ход событий, западные эксперты склоняются к выводу о том, что формирование в восточных афганских провинциях обширного района, контролируемого "вилаятом Хорасан", может иметь далекоидущие последствия. Помимо усиления угрозы дальнейшей дестабилизации внутривосточной обстановки в самом Афганистане, там возможно создание зоны базирования сил ИГИЛ, а в перспективе – нового центра "всемирного халифата". В региональном контексте установление контроля группировки над северными районами Афганистана несёт непосредственную угрозу безопасности для Ирана, стран Центральной Азии, особенно Таджикистана, а также России и Китая⁵⁶.

В качестве возможного плацдарма ИГИЛ зарубежные аналитики рассматривают также Ливию. В частности, указывается на то, что в условиях распада государственности действующие в этой стране "аффилированные с ИГИЛ" структуры общей численностью до 3 тыс. чел. стали влиятельным внутривосточным фактором. Радикальные исламисты создали в районе средиземноморского побережья, прилегающем к ливийскому городу Сирт, "мини-халифат", организованный по мусульманским законам. Прогнозируется, что в случае полной утраты ИГИЛ своих позиций в Сирии и Ираке, Ливия станет "новым местом пребывания высшего руководства группировки"⁵⁷.

⁵⁴ IS Leader Abu Bakr Al-Baghdadi appears in video. Acknowledges end of Baghuz Battle and Sri Lanka Attack // Site Intelligence Group. 2019. 29 April. URL: <https://ent.siteintelgroup.com/Statements/is-leader-abu-bakr-al-baghdadi-appears-in-video-acknowledges-end-of-baghuz-battle-and-sri-lanka-attack.html> (дата обращения: 26.11.2019).

⁵⁵ Twenty-Fourth Report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team. P. 8.

⁵⁶ *Guistozi A.* Op. cit.

⁵⁷ *Byman D.* ISIS Goes Global: Fight the Islamic State by Targeting Its Affiliates // Foreign Affairs. 2016. March – April. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/middle-east/isis-goes-global> (дата обращения: 26.11.2018).

В числе других вероятных районов переброски и базирования "Исламского государства" рассматриваются также Алжир, Египет, Нигерия, Пакистан, Саудовская Аравия, Йемен, а также Закавказье.

* *
*

Развитие ситуации в эпицентре вооружённого противостояния с боевиками ИГИЛ в Сирии и Ираке завершается поражением сил исламистских радикалов на поле боя. Боевикам нанесён невосполнимый урон, что свидетельствует о близящейся ликвидации ядра "всемирного халифата". Борьба с международным терроризмом вступает в новый этап, открывающий возможности последующей деэскалации вооружённого конфликта в САР и перевода его в плоскость политического урегулирования.

В этих условиях особую остроту и актуальность приобретает вопрос о перспективах ИГИЛ. *Изложенные выше факты свидетельствуют о том, что потенциал группировки далеко не исчерпан, а сама она трансформируется, мутирует, переходя к ведению боевых и террористических действий в изменившихся обстоятельствах и новых районах. Эксперты по проблеме современного терроризма не торопятся с вынесением заключения по поводу её скорого конца. Вероятность полной утраты "территориального измерения халифата" в Ираке и Сирии рассматриваются не как признак распада группировки, а как "начало нового этапа её борьбы за выживание и возрождение"⁵⁸.*

Ключевые слова: *международный терроризм – ИГИЛ – Сирия – Ирак – Россия – США.*

Keywords: *international terrorism – the ISIL – Syria – Iraq – Russia – the USA.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Введение в прикладной анализ международных ситуаций / Под ред. Т.А. Шапковой. М.: Аспект Пресс, 2017. 256 с.
2. *Гладченко Л.В.* ИГИЛ – угроза для Юго-Восточной Азии // ИГИЛ как угроза международной безопасности / Под ред. А.В. Глазовой. М.: РИСИ, 2015. С. 139–149.
3. *Гладченко Л.В.* "Чёрный интернационал" ИГИЛ: Грядущий распад или перегруппировка сил? // Проблемы национальной стратегии. 2018. № 2 (47). С. 155–171.
4. *Гладченко Л.В.* Эскалация угрозы ИГИЛ в странах Юго-Восточной Азии // ИГИЛ: Формула современного террора / Под ред. А.В. Глазовой. М.: РИСИ, 2017. С. 204–215.
5. *Дериглазова Л.В.* Асимметричные конфликты: Уравнение со многими неизвестными. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2009. 284 с.
6. *Казанцев А.А.* Проблема вербовки и возврата боевиков-террористов: Опыт Европы и перспективы России / Рос. совет по междунар. делам. М.: Спецкнига, 2016. 40 с.

⁵⁸ Jones S.G. Beyond Baghdadi: The Next Wave of Jihadist Violence. P. 4.

7. *Larina E.* Инженеры хаоса: Почему теракт в Париже осуществили агенты спецслужб // Военное обозрение. 2015. 16 января. URL: <https://topwar.ru/66852-elena-larina-inzheneruy-haosa-pochemu-terakt-v-parizhe-sovershili-agenty-specsluzhb.html> (дата обращения: 26.11.2018).
8. *Орозобекова А.* Мобилизация и вербовка иностранных боевиков: Случай Исламского государства, 2012–2014 // Connections. The Quaterly Journal. 2016. № 3. С. 93–112.
9. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. М.: ИНФРА-М, 2017. 38 с.
10. *Barfi B.* Islamic State shifts tactics in Iraq and Syria amid degrading capabilities // Jane's Intelligence Review. 2019. 25 June.
11. *Barret R.* Beyond the Caliphate: Foreign Fighters and the Threat of Returnees // The Soufan Center. 2017. October.
12. *Benmelech E., Klor E.F.* What Explains the Flow of Foreign Fighters to ISIS? // NBER Working Paper. 2016. April. No. 22190. 14 p. URL: <http://www.nber.org/papers/w22190> (дата обращения: 14.04.2020).
13. *Byman D.* ISIS Goes Global: Fight the Islamic State by Targeting Its Affiliates // Foreign Affairs. 2016. March – April. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/middle-east/isis-goes-global> (дата обращения: 26.11.2018).
14. *Cerulli R.* Russian Influence in the Middle East: Economics, Energy, and Soft Power // American Security Project. 2019. September.
15. *Cohen E.T.* Pushing the jihadist genie back into the bottle: How to counter the ongoing terrorist threat // Brookings. Policy Brief Series on the New Geopolitics. 2019. May.
16. *Cordesman A.H.* After the "Caliphate": Factors Shaping Continuing Violent Extremism and Conflicts in the MENA Region / Center for Strategic and International Studies. 2019. 6 May.
17. *Cordesman A.H.* After the "Caliphate": The Metrics of Daesh and the Ongoing Challenge of Extremism. Part One: Daesh, Syria and Iraq // Center for Strategic and International Studies. 2019. 22 April. URL: <https://www.csis.org/analysis/after-caliphate-metrics-daesh-and-ongoing-challenge-extremism> (дата обращения: 20.11.2019).
18. *Cordesman A.H.* After the "Caliphate": The Metrics of Daesh and the Ongoing Challenge of Extremism. Part Two: The Changing Threat // Center for Strategic and International Studies. 2019. 29 April. URL: <https://www.csis.org/analysis/after-caliphate-metrics-daesh-and-ongoing-challenge-extremism-1> (дата обращения: 20.11.2019).
19. *Cordesman A.H.* Iraq as a Failed State / Center for Strategic and International Studies // Working Paper. 2019. 12 November.
20. *Cronin C.* Implications of the Afghan Peace Negotiations on Terrorism in Central Asia // American Security Project. 2019. August.
21. *Cronin C., Phuong P.* Recalibrating the Islamic State Threat in Southeast Asia // Center for Strategic and International Studies. Analysis. 2016. 7 July.
22. *Dempsey M.P.* How ISIS' Strategy is Evolving // Foreign Affairs. 2018. 18 January. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/syria/2018-01-18/how-isis-strategy-evolving> (дата обращения: 20.11.2019).
23. *Dempsey M.P.* Preparing for ISIS, 3.0 // Foreign Affairs. 2017. 18 August.
24. *Dent E.* The Unsustainability of ISIS Detentions in Syria / The Middle East Institute // Policy Paper. 2019. March. URL: https://www.mei.edu/sites/default/files/2019-03/The%20Unsustainability%20of%20ISIS%20Detentions%20in%20Syria_reduced.pdf (дата обращения: 11.03.2020).
25. *Florida R.* The Geography of Foreign ISIS Fighters // Citylab. 2016. 10 August.
26. Foreign Fighters: An Updated Assessment of the Flow of Foreign Fighters into Syria and Iraq // The Soufan Group. 2015. December. 26 p.
27. Global Terrorism Index 2018: Measuring the impact of terrorism. Sydney: Institute of Economics and Peace, 2018.

28. Global Terrorism Index 2019: Measuring the Impact of Terrorism. Sydney: Institute of Economics and Peace, 2019. URL: <http://visionofhumanity.org/app/uploads/2019/11/GTI-2019web.pdf> (дата обращения: 11.03.2020).
29. *Gomis B.* Terrorists' use of cryptocurrency remains a sideshow to other fundraising // Jane's Intelligence Review. 2019. 23 September.
30. *Guistozzi A.* Resurgent Islamic State fighting to establish territorial control in eastern Afghanistan // Jane's Terrorism and Insurgency Monitor. 2019. 20 June.
31. *Hassan H.* Out of the Desert. ISIS's Strategy for a Long War / Middle East Institute // Policy Paper. 2018. September.
32. How Terrorist groups End // Global Terrorism Index 2017 / Institute for Economics and Peace. 2017. P. 77–78. URL: <http://visionofhumanity.org/app/uploads/2017/11/Global-Terrorism-Index-2017.pdf> (дата обращения: 20.11.2018).
33. ISIS abandons southeast Asian Fighters in Mosul, they are expected to build new base in Philippines // Malaysian Digest. 2017. 6 April.
34. *Jayaraman S.* International Terrorism and Statelessness: Revoking the Citizenship of ISIL Fighters // Chicago Journal of International Law. 2016. Vol. 17. No. 1.
35. *Jones S.G.* Beyond Baghdadi: The Next Wave of Jihadist Violence / Center for Strategic and International Studies // CSIS Briefs. 2019. 4 November. URL: <https://www.csis.org/analysis/beyond-baghdadi-next-wave-jihadist-violence> (дата обращения: 20.11.2019).
36. *Jones S.G.* The Islamic State's Next Wave: Transcript // Center for Strategic and International Studies. 2019. 4 October.
37. *Lang H., Al Wari M.* The Flow of Foreign Fighters to the Islamic State // Center for American Progress. 2016. March.
38. Operation Inherent Resolve: Lead Inspector General Report to the United States Congress. 2019. 1 April – 30 June. Washington, DC, 2019.
39. *Poushter J. Manevich D.* Globally, People Point to ISIS and Climate Change as Leading Security Threats // Pew Research Center. 2017. 1 August.
40. *Ramakrishna K.* The Growth of ISIS Extremism in Southeast Asia: Its Ideological and Cognitive Features – and Possible Policy Responses // New England Journal of Public Policy. 2017. Vol. 29. Issue 1. Article 6. URL: <https://scholarworks.umb.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1705&context=nejpp> (дата обращения: 16.05.2019).
41. *Rappoport D.C.* The Four Waves of Modern Terrorism // Attacking Terrorism: Elements of a Grand Strategy / Ed. By A.K. Cronin, J.M. Ludes. Washington.: Georgetown University Press, 2004.
42. Return and Expand? The Finances and Prospects of the Islamic State after the Caliphate // RAND Corporation. 2019. August. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR3046.html (дата обращения: 20.11.2019).
43. *Rivinius J.* Global terrorism decreases in 2018 as recent uptick in U.S. terrorist attacks was sustained // National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism. 2019. 8 October. URL: <https://www.start.umd.edu/news/global-terrorism-decreases-2018-recent-uptick-us-terrorist-attacks-was-sustained> (дата обращения: 20.11.2019).
44. *Samuri F.* The New U.S. Strategy in Syria Is Bound to Fail. Trump Wants "Regime Change" and the Withdrawal of Iranian Forces // Global Research. 2018. 1 November.
45. *Spyer J.* Islamic State Insurgency Exploits Porous Syrian Border // Jane's Intelligence Review. 2019. 23 May.
46. Statement of ASEAN and Russia Ministers of Foreign Affairs on Joint Efforts to Counter International Terrorism // ASEAN. 2017. 7 August. URL: <https://asean.org/statement-of-asean-and-russia-ministers-of-foreign-affairs-on-joint-efforts-to-counter-international-terrorism/> (дата обращения: 11.04.2020).
47. *Stepanova E.* Global Terrorism and Anti-terrorism after ISIL: Two key aspects that will not change soon // Global Terrorism Index 2019: Measuring the Impact of Terrorism. Sydney: Institute of Economics and Peace, 2019. P. 71–73.

48. *Stepanova E.* Transnational Islamist Terrorism: Network fragmentation and bottom-up regionalization // *Global Terrorism Index 2014: Measuring and Understanding the Impact of Terrorism.* Sydney; N.Y.; L.: Institute of Economics and Peace, 2014. P. 74–78.

49. *Trends in Global Terrorism: Background Report* // National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism – START; University of Maryland. 2019. October.

50. Twenty-Fourth Report of the Analytical Support and Sanctions Monitoring Team // United Nations. Official website. URL: <https://undocs.org/S/2019/570> (дата обращения: 11.03.2020).